P 56/282

Р 56.
282.
Ф 56
282
2007059417

Новыя изслѣдованія о Боярской Думѣ.

Н. П. Загоскинъ. Исторія права Московскаго Государства; Т. II. Центральное управленіе Московскаго Государства. Вып. I. Дума боярская. Казань, 1879 г.

Ключевскій. Боярская Дума древней Руси. Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества (Русская Мысль 1880 г., январь, мартъ, апрѣль; сочиненіе продолжающееся).

Передъ нами два сочиненія по исторіи одного и того же учрежденія древней Руси, очень мало изслѣдованнаго, но тѣмъ не менѣе давно обезславленнаго и поруганнаго (чѣмъ отчасти и объясняется долгое отсутствіе спеціальныхъ изслѣдованій о немъ). Земскіе Соборы имѣютъ уже цѣлую значительную литературу; о Боярской Думѣ не было ни одной статьи, ей собственно посвященной, до одновременнаго появленія двухъ названныхъ сочиненій.

Изъ нихъ одно вышло изъ рукъ историка, другое — юриста. Вслѣдствіе этого, каждое изъ нихъ отличается соотвѣтствующими достоинствами и недостатками. Сочиненіе г. Загоскина имѣетъ въ виду Думу, какъ учрежденіе, почти въ покойномъ, неподвижномъ состояніи его, безъ историческаго движенія. Говоримъ „почти", потому что историческая часть, хотя весьма слабая, есть и у г. Загоскина. Г. Ключевскій, напротивъ, желаетъ разсматривать Думу какъ *явленіе* въ связи со всѣмъ ходомъ государственной исторіи Россіи. Мы имѣемъ пока только часть этого сочиненія, но и на ней отразились всѣ существенные недостатки избраннаго имъ метода. Мы и будемъ разсматривать появившуюся часть сочиненія г. Ключевскаго не столько по его результатамъ (которые еще не ясны), сколько по пріемамъ изслѣдованія.

I.

Пріемы изслѣдованія.

Результаты историческаго изученія нашего отечества и его государственныхъ формъ, до такой степени еще малы, что изслѣдователь, взявшійся за одинъ предметъ, видитъ вокругъ себя массу другихъ, сосѣд-

ственныхъ или вовсе неразрѣшенныхъ или неудовлетворительно разрѣшенныхъ. Очевидно это еще не большая бѣда; этотъ количественный недостатокъ науки есть лишь дѣло времени. Слѣдуетъ только желать, чтобы каждый, взявшійся за извѣстный вопросъ сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ частичномъ, но внимательномъ изученіи историческихъ судебъ нашего государства, быстро подвинулось бы изученіе ихъ въ цѣломъ. По этому мы искренно порадовались, что совсѣмъ забытый вопросъ о Боярской Думѣ сдѣлался предметомъ сразу двухъ монографій. Но для успѣховъ дѣла совершенно неизбѣжно постоянно имѣть въ виду только что высказанный элементарный принципъ методологіи, т. е. полное сосредоточеніе вниманія на избранномъ предметѣ. Если же авторъ увлечется желаніемъ, заговоривъ объ одномъ, разрѣшить всѣ соприкосновенные, а иногда и совсѣмъ сторонніе вопросы, то успѣха ждать нельзя. Это—уже не количественный, а качественный порокъ въ наукѣ, органическій порокъ въ пріемахъ изслѣдованія, парализующій самыя хорошія намѣренія, самыя богатыя силы и средства, какими владѣлъ бы изслѣдователь.

Нужно замѣтить, что въ историческомъ изученіи нашей государственности, историки—юристы преимущественно избѣгали этого недостатка. По самому требованію своей спеціальности, они признаны были къ болѣе точному различенію границъ предметовъ и распредѣленію явленій между ними. Благодаря ихъ усиліямъ, грубая масса пестрыхъ явленій сводилась къ одному порядку и изъ него въ нашемъ сознаніи возникало *учрежденіе* съ опредѣленнымъ составомъ и правами. Сошлемся на одинъ примѣръ. До недавнихъ изслѣдованій юристовъ о вѣчѣ, исторія знала о сборищахъ народа въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ, не признавая въ нихъ не только характера учрежденія съ политическою властію, но и вообще характера правомѣрнаго явленія (кромѣ Новгорода и Пскова, однако и здѣсь, именно благодаря вѣчу, все государственное устройство признавалось аномальнымъ). Теперь почти всѣ убѣждены, что во всѣхъ старшихъ городахъ древней Руси вѣче было политическимъ учрежденіемъ съ властію, равною власти князя.

Нужно сознаться, что иногда историки-юристы злоупотребляли этимъ пріемомъ синтеза явленій, группировки ихъ, и такъ сказать возсозданія изъ нихъ учрежденій. Иногда, увлекаясь имъ, они придавали значеніе правомѣрности дѣйствительно случайнымъ фактамъ и даже проявленіямъ грубой силы. Но на вѣсахъ здравой критики, эти преувеличенія не могутъ перетянуть заслугъ ихъ наукѣ русской исторіи.

Г. Ключевскій также недоволенъ успѣхами нашихъ историческихъ знаній, но ищетъ причинъ этого совсѣмъ въ другомъ. Сказавъ, что ни одна сторона древне-русской жизни не изучалась у насъ такъ хорошо, какъ изучена, напр., администрація Московскаго Государства, онъ продолжаетъ: „этимъ мы обязаны усиліямъ людей, спеціально изучавшихъ русское право, особенно нѣкоторыя явленія права государственнаго. Но, можетъ быть, *именно поэтому* картина древняго русскаго управленія освѣщена съ одной только стороны, съ той, которую можно назвать *технической*. Механизмъ правительственныхъ учрежденій былъ любимою те-

мою изысканій въ области нашс политической исторіи“ (Р. М. I, 40—41).

Отсюда по мнѣнію авторанй exодятъ слѣдующіе результаты: 1) „является нѣсколько лишнихъ фактовъ“; выраженіе — вовсе не объясняющее его мысли, которая состоитъ въ томъ, что историко-механикъ выдаетъ правительственныя реформы учрежденій за дѣйствительные успѣхи общества. Авторъ во взглядѣ на учрежденія очевидно стоитъ на точкѣ зрѣнія реформированной Россіи; въ древней Руси „бумажныхъ“ учрежденій не было, а реформы учрежденій были дѣйствительно новыми ступенями общественной жизни. Замѣчаніе г. Ключевскаго направляется впрочемъ преимущественно противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что при Петрѣ русское общество „совлекло съ себя свою ветхую одежду“, т. е. „обветшавшій государственный порядокъ“ [1]) т. е. онъ не согласенъ съ тѣми, которые полагаютъ, что петровскія реформы государственныхъ учрежденій обновили самое *общество*. Но такихъ идолопоклонниковъ Петра, называвшихъ его богомъ-творцомъ Россіи, было мало; прочіе его поклонники говорили о дѣйствительномъ обновленіи государственнаго порядка; о преобразованномъ обществѣ XVIII и даже XIX в. молчали, или говорили нелестныя вещи.—Однако причемъ тутъ историко-юристы, или иначе, „историко-механики?“. 2) „Механическое“ изученіе учрежденій, по мнѣнію автора, ведетъ къ неумѣнью оцѣнить надлежащимъ образомъ относительное достоинство учрежденій разныхъ эпохъ; напр. московская приказная администрація ставится очень низко по сравненію ея съ администраціею XVIII в., между тѣмъ какъ г. Ключевскій не находитъ въ послѣдней (даже Екатерининской) никакихъ преимуществъ.

3) Третье обвиненіе, взводимое авторомъ на „механическое“ направленіе въ наукѣ, совсѣмъ непонятно; оно касается уже не исторіи учрежденій, а политической судьбы самаго государства; именно авторъ обвиняетъ историковъ въ неумѣньи точно опредѣлить начало и конецъ Московскаго Государства. Заговоривъ о началѣ государства, онъ взялъ у кого-то изъ историковъ-юристовъ (Б. Н. Чичерина?) формулу такого рода: „Московское Государство образовалось путемъ возведенія частнаго права въ государственное, или, *говоря проще*, путемъ превращенія удѣльной вотчины московскихъ князей во всероссійское государство“. Упрощеніе формулы принадлежитъ, очевидно, самому г. Ключевскому; но съ такою *про-*

---

[1]) Однажды навсегда сдѣлаемъ замѣтку о той сторонѣ сочиненія г. Ключевскаго, которая насъ прямо не интересуетъ, но по истинѣ препятствуетъ чтенію его. Говоримъ о языкѣ, отличающемся притязаніями на художественность, но въ дѣйствительности полнымъ отсутствіемъ простоты и изящества. Вотъ какъ, напр., изложена анализируемая мысль: «Новая Россія вышла изъ преобразовательнаго горнила Петра, если не какъ античная богиня изъ морской пѣны, то по крайней мѣрѣ, какъ разслабленный изъ возмущенной воды Іерусалимской Вифезды... Достаточно ли внимательно мы въ своей исторической діагнозѣ, приписывая такую скоропостижную смерть нашимъ старымъ государственнымъ учрежденіямъ» (ibid. 45). Въ одной фразѣ, съ удивительнымъ недостаткомъ вкуса и такта, насыпаны образцы, взятые изъ кузнечнаго мастерства, классической миѳологіи, библейскихъ преданій и медицинскихъ клиникъ. Истинно бываетъ досадно, когда встрѣчаемъ иногда симпатическую мысль, облеченную въ такую пышную одежду, пеструю до комизма.

стотою едва ли бы помирился неизвѣстный творецъ формулы. Однако и въ этомъ упрощенномъ видѣ взятая формула не нравится г. Ключевскому; онъ порицаетъ ея „узкость“ (но кто же ее такъ съузилъ, какъ не онъ самъ!). Затѣмъ онъ приступаетъ къ разбиванію этой формулы, въ выраженіяхъ, весьма не простыхъ, напротивъ — крайне мудреныхъ. „Въ указанной діалектической (?) схемѣ, говоритъ онъ, собственно выражается смѣна началъ (?), развитіе *идеи государства*, точнѣе — идеи государственной власти, а не *самаго государственнаго порядка*, который при такомъ же точно ходѣ развитія государственной власти могъ выйти не такимъ, какимъ онъ вышелъ на самомъ дѣлѣ“ (стр. 44). Вотъ образчикъ „неюридическихъ“ размышленій автора. Что это за самый *государственный порядокъ*, отдѣленный отъ *государства* и *государственной власти*?

Мы предпочтемъ ужъ лучше „діалектическую схему“ даже въ ея упрощенномъ видѣ.

Вотъ пункты обвиненія противъ историковъ-механиковъ, или что тоже, — историковъ-юристовъ. Всѣ они вытекаютъ изъ одного главнаго обвиненія въ односторонности. „Историческое изученіе техники правительственныхъ учрежденій, продолжаетъ г. Ключевскій, далеко не обнимаетъ всей исторіи этихъ учрежденій“. — Истина непререкаемая: описаніе одного состава учрежденій отнюдь не есть полное историческое описаніе ихъ. Чего же именно не достаетъ? Мы сказали бы, что не достаетъ еще описанія функцій ихъ (отправленій), гдѣ онѣ и соприкасаются съ цѣлою жизнію общества. Но г. Ключевскій говоритъ не такъ; по его словамъ „историки-технологи забываютъ о *соціальномъ составѣ управленія*“ (!).

Что бы могло подразумѣваться подъ этою большою странностью? По своей обыкновенной манерѣ, г. Ключевскій не даетъ ясныхъ опредѣленій, а прибѣгаетъ для объясненія къ длинному и туманному примѣру. Просимъ извиненія у читателя, что мы принуждены познакомить его съ этимъ удивительнымъ примѣромъ. Онъ берется изъ исторіи русскаго областнаго управленія, очеркъ котораго построенъ г. Ключевскимъ на слѣдующемъ принципѣ: чѣмъ болѣе усиливалось провинціальное самоуправленіе, тѣмъ болѣе усиливалась административная централизація. Иной подумаетъ, что мы шутимъ. Вотъ напр. мѣсто объ администраціи въ удѣльномъ княжествѣ (какого времени?): „Административная дѣятельность (намѣстниковъ и волостелей) находится въ очень *слабой связи съ центральнымъ* княжескимъ управленіемъ....; они служилые люди князя и дѣйствуютъ *по назначенію и полномочію*, полученному *отъ центральнаго* правительства“.

Но читатель видитъ тутъ только образецъ противорѣчія и принужденъ выбирать любое. — Затѣмъ дальнѣйшимъ образцамъ зависимости успѣховъ централизаціи отъ успѣховъ самоуправленія, авторъ считаетъ искаженіе земскихъ учрежденій въ XVII в., чрезъ возложеніе на нихъ приказныхъ обязанностей, чрезъ обращеніе дѣятельности земства въ повинность. Но это называется не самоуправленіемъ, а отрицаніемъ самоуправленія. Все это крайне неясное совершенно затемнено слѣдующею общею фразою: „органами децентрализаціи являются люди, которые были представителями центральной власти“ (ibid. стр. 47). Иной подумаетъ, что г. Ключевскій отыскалъ какой-нибудь чиновничій сепаратизмъ въ XV в.!

Познакомившись съ этимъ примѣромъ надлежащей, а не механической

исторіи учрежденій, читатель всетаки остается въ недоумѣніи: что же такое „соціальный составъ управленія“?

„*Итакъ*, заключаетъ авторъ, въ исторіи нашихъ древнихъ учрежденій остаются въ тѣни общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и „чрезъ нихъ дѣйствовали“. Хотя это „итакъ“ явилось совершенно неожиданно, хотя изъ представленнаго очерка областнаго управленія отнюдь не видно было никакихъ „общественныхъ классовъ и интересовъ“; но мы рады, что выбрались наконецъ на „относительно“ ясную дорогу.

Итакъ надлежащая (а не техническая) исторія учрежденій должна идти объ руку съ исторіею классовъ (и сословій). Итакъ въ этой простой мысли разгадка всѣхъ предварительныхъ туманныхъ намековъ. — Но во-первыхъ, кого же изъ историковъ или историковъ-юристовъ можно упрекнуть въ незнаніи или непризнаніи такой элементарной мысли? Развѣ неизвѣстно г. Ключевскому, что одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по исторіи московской областной администраціи, именно сочиненіе А. Д. Градовскаго все построено на этой мысли и содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ исторіею мѣстнаго управленія довольно полную исторію классовъ Московскаго государства? Неужели незнакомы ему труды И. И. Дитятина по исторіи городскаго управленія, которые въ то же время заключаютъ въ себѣ и исторію городскаго сословія? — Во-вторыхъ, историческія знанія, подъ руками историковъ-юристовъ, какъ сказано, стали приближаться уже къ нѣкоторой точности и раздѣльности понятій, безъ которыхъ всякая наука должна превращаться въ хаосъ. Сторонніе, но близкіе вопросы могутъ быть лишь затронуты и уяснены по скольку это необходимо для главнаго предмета. Никто не долженъ выдавать смѣшенія разныхъ предметовъ (что служитъ признакомъ несовершенства науки) за новое направленіе науки, за открытіе. Поэтому мы сказали, что исторія учрежденій должна *идти объ руку* съ исторіей классовъ, а не сливаться съ нею.

Вопросъ о Боярской Думѣ, конечно, очень тѣсно связанъ съ вопросомъ о классахъ (или сословіяхъ) древне-русскихъ; пожалуй, мы не стали бы порицать автора за невольное смѣшеніе разныхъ предметовъ въ его трудѣ (подъ условіемъ признавать это за неизбѣжное зло). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣла г. Ключевскій перешелъ всякую мѣру въ этомъ отношеніи и представилъ самый яркій образецъ такихъ работъ, въ которыхъ основная задача расплывается и теряется въ массѣ привходящихъ предметовъ. Истиннымъ заглавіемъ первой части его сочиненія о Думѣ, должно бы быть: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“.

Авторъ желаетъ, какъ мы видѣли, ввести въ исторію учрежденій не только исторію классовъ, но и исторію *интересовъ*. Хотя и это — загадка; но разгадать ее отчасти можно; повидимому онъ желалъ бы, чтобы историкъ представлялъ намъ, какія изъ учрежденій вызваны были самою жизнію (а не мертвою бумагою), въ какомъ отношеніи находилась ихъ дѣятельность къ жизни и обратно. Но было уже упомянуто, что описаніе функцій есть непремѣнная часть исторіи учрежденій. Историки права знаютъ и различаютъ гораздо яснѣе двѣ основныя задачи всякаго историко-юридическаго изслѣдованія: описаніе *состава* и *отправленій* учрежденія. Простая юридическая терминологія спасла бы г. Ключевскаго отъ напрас-

ныхъ напряженій выразить мысли столь извѣстныя. Функціи учрежденій обнимаютъ всю жизненную сторону ихъ и не ограничиваются вѣдомствомъ ихъ по регламенту (опять напомнимъ, что древней Руси чужды регламенты). Быть можетъ онъ разумѣетъ еще что-либо подъ *интересами*, но ничего больше мы не могли извлечь изъ весьма неясныхъ страницъ его вступительной главы, которая вся состоитъ изъ такихъ страницъ.

Г. Ключевскій начинаетъ изслѣдованіе о Думѣ съ древнѣйшихъ временъ. У г. Загоскина есть такая глава о Думѣ въ княжескій періодъ. Остановимся и мы, вслѣдъ за ними, на Думѣ IX — XII вѣковъ.

II.

Княжеская Дума.

О княжеской Думѣ, какъ особомъ учрежденіи, кажется, въ первый разъ заговорилъ В. И. Сергѣевичъ („Вѣче и Князь", стр. 359 — 362). До того времени историки говорили о *боярахъ* и обычаѣ князей совѣщаться съ ними. Не только до появленія книги В. И. Сергѣевича, но и долго спустя, существованіе княжеской Думы многіе подвергаютъ сомнѣнію. Такъ С. А. Петровскій („О Сенатѣ", стр. 12 — 15) положительно затрудняется причислить княжескую Думу къ одному изъ органовъ управленія, какъ это дѣлаетъ В. И. Сергѣевичъ. Гдѣ Дума (спрашиваетъ онъ), что она? Укажите на нее опредѣленно, скажите: вотъ Дума, совѣтъ такого-то князя. Нельзя. Можно только сказать, что это Дума по такому-то вопросу, по такому-то предложенію князя, потому что можетъ быть, въ тотъ же день, по другому вопросу, князь будетъ совѣщаться съ совершенно другими лицами, и будетъ совершенно *въ правѣ;* выгодно ли это будетъ ему, или нѣтъ, это другой вопросъ, и вопросъ, совершенно *личный*, касающійся только самаго князя.... [1]).

Нужно сознаться, что отчасти самъ В. И. Сергѣевичъ подалъ поводъ къ сомнѣніямъ на счетъ существованія княжеской Думы. Онъ смотритъ на Думу, какъ на органъ центральнаго *управленія* [2]). Сверхъ того Дума, по его словамъ, не имѣетъ постояннаго состава: „особаго званія (говоритъ онъ) совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было. Дума составлялась *всякій разъ вновь*, „по особому приглашенію", хотя онъ самъ тутъ же признаетъ, что „согласно *естественному тяготѣнію силы* обыкновенными совѣтниками князя были его мужи и бояре".

Такимъ образомъ *составъ Думы* остается неуловимымъ, а потому весьма легко придти къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ учрежденіемъ, а съ фактическими случайными явленіями.

---

[1]) Княжеская Дума, совѣщанія князей съ дружиной просто *фактъ* и какъ бы *часто* намъ лѣтописи не упоминали о немъ, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія, *на ряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ*, чисто фактическими.

[2]) Тогда какъ вѣче и князь считаетъ основными элементами государственнаго *устройства.*

Поэтому нечего очень удивляться, что Н. П. Загоскинъ относительно этого предмета впадаетъ въ сильныя противорѣчія: отрицаетъ возможность органовъ центральнаго управленія въ княжеской Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ Думу органомъ центральнаго управленія (подчиняясь В. И. Сергѣевичу); разсматриваетъ Думу, какъ учрежденіе, говоритъ объ ея личномъ составѣ, порядкѣ совѣщаній и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ ее такъ: „Думу княжескую составляла вся совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ извѣстномъ предметѣ“ (стр. 8) и далѣе замѣчаетъ: „Личный составъ ея не носилъ твердо опредѣленнаго характера, онъ былъ *чистослучайнымъ*, завися отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія тѣхъ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и сознавались извѣстныя принципіальныя требованія относительно лицъ, долженствующихъ засѣдать въ княжеской Думѣ“ (стр. 12). Послѣдняя половина фразы: „хотя...“ есть лишь неловкая попытка замаскировать противорѣчіе.

Итакъ есть сильные поводы опасаться, что мы разсуждаемъ о такомъ предметѣ, существованіе котораго подлежитъ большому сомнѣнію.

Но дѣйствительно ли такъ шатокъ и неуловимъ составъ княжеской Думы? Дѣйствительно ли онъ могъ измѣняться нетолько ежедневно, но и ежечасно (по словамъ С. А. Петровскаго). Не думаемъ.

Въ основѣ состава Думы всѣ признаютъ *княжескихъ мужей*, или что тоже *бояръ* (послѣдній терминъ поглотилъ собою первый около XII в.) [1]). Намъ нужно прежде всего доискаться, имѣлъ ли какую-нибудь опредѣленность терминъ — „бояринъ“. „Всякій ли могъ произвольно назваться этимъ именемъ, или для пріобрѣтенія его требовались какія-нибудь опредѣленныя условія? Не вдаваясь глубоко въ сферу стороннюю для вопроса, именно въ область исторіи сословнаго права, можно отвѣтить почти à priori на поставленный вопросъ такъ: нѣтъ, не всякій произвольно могъ взять на себя титулъ боярина; надо было пріобрѣсти его или путемъ рожденія, или путемъ пожалованія, или посредствомъ назначенія на высшую должность. На счетъ рожденія источники мало даютъ матерьяла. Но они говорятъ, что Св. Владиміръ сдѣлалъ „великимъ мужемъ“ сына кожевника-побѣдителя надъ Печенѣжскимъ богатыремъ. Владиміръ Мономахъ собираетъ *тысящихъ* изъ провинцій на Думу для обсужденія законовъ, вошедшихъ въ Русскую Правду.

Повторяемъ, какія именно условія нужны были для пріобрѣтенія званія боярина, — вопросъ для насъ теперь сторонній, не подлежитъ только сомнѣнію, что эти условія были.

Такимъ образомъ одна — главная часть состава Думы становится опредѣленнѣе, но далеко еще не опредѣляется вполнѣ. Слѣдуетъ еще знать, какое же отношеніе между боярствомъ и членствомъ въ Думѣ! Всякій ли боринъ былъ членомъ Думы? На это въ источникахъ есть одно характерное мѣсто: лѣтопись, разсказывая о потеряхъ, понесенныхъ русскими

---

[1]) И дѣйствительно, члены Думы всегда называются боярами или мужами княжескими: «бояре размолвиша Гюргя.... Гюргеви же послушавшю боляръ») (1150 г.). «Рѣша ему (Даніилу Галицкому) бояре его: пріими Луческъ...» (1227 г. и т. п.

въ войнѣ Половецкой, восклицаетъ: „гдѣ *бояре думающіи*, гдѣ мужи храборствующіи!“ Такимъ образомъ главная роль бояръ — думать; это ихъ право и ихъ обязанность, какъ участвовать въ войнахъ право и обязанность мужей [1]).

Но если это не подлежитъ сомнѣнію, то еще остается вопросомъ: было ли право бояръ участвовать въ Думѣ ихъ исключительнымъ правомъ? Не могъ ли князь въ замѣнъ ихъ пригласить для совѣщанія другихъ лицъ, не бояръ. Лѣтописи, дѣйствительно, сообщаютъ нѣсколько фактовъ обращенія князей за совѣтомъ не къ боярамъ; напр. Всеволодъ Ярославичъ въ 1093 г. „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ творя съ ними!“ Святославъ въ 1180 г. „сдумавъ съ княгинею своею и съ кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея!....“. Оба эти случая приводитъ В. И. Сергѣевичъ, но онъ же замѣчаетъ: „такіе случаи можно разсматривать, какъ весьма рѣдкое исключеніе“. Уже одна эта количественная разница случаевъ совѣщанія князей съ боярами, и совѣщанія ихъ съ другими лицами, помимо бояръ, для *историка права* достаточна, чтобы опредѣлить, въ какомъ рядѣ случаевъ выражается право, въ какомъ — отрицаніе его, нарушеніе. Князь *могъ* совѣщаться и съ другими лицами, но это не значитъ, чтобы онъ былъ „*въ правѣ*“ такъ поступать, какъ говоритъ С. А. Петровскій. Кромѣ этого способа распознаванія обычнаго права, т. е. наблюденія надъ большинствомъ случаевъ (повтореніемъ) есть и другой: выраженіе взгляда современниковъ на правомѣрность событія. При каждомъ изъ упомянутыхъ случаевъ совѣщанія князя не съ боярами, лѣтописецъ прямо или не прямо выражаетъ осужденіе. Голосъ лѣтописца есть для насъ голосъ тогдашняго общественнаго мнѣнія.

Другихъ средствъ для распознаванія обычнаго права нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. А другаго права кромѣ обычнаго въ то время не было; не было ни регламентовъ, ни уставовъ.

Слѣдуетъ признать, что участіе въ Думѣ есть исключительное право бояръ.

Но у насъ есть рядъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій, по которому князю приписывается нормальнымъ образомъ право совѣщанія съ *дружиною*. Въ началѣ исторіи это выраженіе употребляется обыкновенно, вмѣсто позднѣйшаго — „съ боярами“. Св. Владиміръ часто совѣщался съ дружиною „о строѣ земленѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ.“ Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей ежедневно садиться думать съ дружиною. Измѣняется ли этимъ нашъ выводъ о боярахъ, какъ единственныхъ совѣтникахъ князя? Что разумѣется подъ словомъ „дружина“? Дружиною

---

[1]) Поэтому нельзя принять вышеприведенной мысли В. И. Сергѣевича; «особаго званія совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было». Это было именно — званіе боярина, въ которое возводились служилые люди. Въ началѣ московской эпохи термины: «боринъ» и «совѣтникъ» отождествляются и употребляются одинъ взамѣнъ другаго.

Бояре могли получать (и получали) и другія должности (судебныя и административныя), но главное значеніе ихъ — участіе въ Думѣ.

въ обширномъ смыслѣ называется всякое товарищество и шайка, иногда цѣлое войско (съ народнымъ ополченіемъ въ томъ числѣ); въ тѣсномъ смыслѣ — дворъ князя, состоявшій изъ бояръ и низшихъ слугъ, свободныхъ и несвободныхъ, наконецъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ бояре. Въ какомъ изъ этихъ значеній употребляется здѣсь слово — „дружина“?

Несомнѣнно—въ послѣднемъ. Мы уже упомянули выше, что совѣщаніе съ „юными“, т. н. младшею дружиною, т. е. низкими слугами двора, признаваемо было фактомъ ненормальнымъ. Сверхъ того, тѣ же лѣтописи, говоря объ отдѣльныхъ случаяхъ совѣщанія при тѣхъ же князьяхъ (Владимірѣ Св. и Владимірѣ Мономахѣ), говорятъ, что они совѣщались съ боярами, и такимъ образомъ сами истолковываютъ для насъ неопредѣленный терминъ „дружина“.

Итакъ составъ княжеской Думы весьма опредѣленный: въ ней участвуютъ лица, имѣющія званіе боярина. Всѣ ли они участвуютъ въ Думѣ *всякій разъ*? Вопросъ чисто фактическій. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, нѣтъ. Многіе изъ бояръ находятся по провинціямъ—на посадничествахъ, въ войскахъ—на походѣ, или въ посольствахъ. Но каждый изъ нихъ, находясь при князѣ, есть его постоянный совѣтникъ. Мысль о томъ, что князь каждый разъ могъ *изъ числа бояръ* пригласить однихъ и не пригласить другихъ, ни на чемъ не основана; фактовъ, подтверждающихъ ее, мы не знаемъ. Да если бы они и нашлись, то означали бы актъ *наказанія* для отдѣльныхъ членовъ Думы за проступки, актъ „опалы“, какъ говорилось въ Москвѣ [1]).

Въ начальную эпоху княжескаго періода, именно въ X вѣкѣ, въ составѣ Думы, лѣтописи, кромѣ бояръ, упоминаютъ еще *старцевъ* весьма часто съ прибавленіемъ „городскихъ“. Эта примѣсь къ составу Думы относится только къ X вѣку, отнюдь не характеризуетъ княжеской Думы вообще во все время ея существованія (XI, XII, XIII вв.).

Что это за старцы? И что означаетъ ихъ участіе въ Думѣ? Прежнюю литературу этотъ вопросъ, очевидно, мало интересовалъ, такъ что и теперь г. Загоскинъ заговорилъ о старцахъ городскихъ по поводу рѣчи о *старшинствѣ физическомъ*, какъ качествѣ, обусловливающемъ приглашеніе въ Думу (стр. 11). Но это, очевидно, большое заблужденіе, „старцы“ или „старѣйшины“ означаютъ должность; лица эти, по лѣтамъ, могли быть очень молоды.

За то г. Ключевскій обратилъ на этотъ вопросъ все свое вниманіе.

Авторъ характеризуетъ Думу княжескую въ отличіе отъ Думы царской въ Московскомъ Государствѣ и говоритъ, что по составу первая была сложнѣе второй. А именно въ первую входили и *старцы градскіе*. Вотъ классъ, „которому уже не было мѣста въ Думѣ никогда потомъ“.

---

[1]) Напротивъ, фактовъ, доказывающихъ противное, не мало. Князь созывалъ Думу не изрѣдка, по особо важнымъ дѣламъ, а засѣдалъ съ нею *ежедневно* (Поуч. Моном.). Въ житіи препод. Ѳеодосія разсказывается, что «*вси бояре*» отправлялись къ князю изъ Кіева (когда онъ находился въ загородномъ дворцѣ) ежедневно съ разсвѣтомъ солнца, и что князь, отправляясь къ Ѳеодосію, имѣлъ обыкновеніе распускать всѣхъ бояръ въ домы ихъ («распустяше *вся бояре* въ домы своя, а токмо съ 6 или 5 отрокъ пріѣздяше къ нему»).

Однако же параллель проводится между Думою княжескаго періода вообще (IX, X, XI, XII и нач. XIII вв.) и Московскою Думою; а это отличіе касается по словамъ самого автора только одного X вѣка. Что нибудь тутъ излишне; или обозначеніе отличій княжеской Думы отъ Московской, или признакъ отличія взятъ невѣрно.

Но возвратимся къ „старцамъ городскимъ“. Г. Ключевскій справедливо доказываетъ, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ князей (собственно только кн. Владиміра); можно согласиться и съ тѣмъ, что они суть представители неслужилаго населенія; въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи называются старцами *людскими;* а „людинъ, по словамъ автора, противополагается мужу княжему, *какъ мужикъ барину*“ (стр. 58), что вполнѣ невѣрно.

Кто такіе эти старцы? Самымъ обыкновеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ авторъ считаетъ тотъ, что это „потомки родовыхъ царьковъ или филарховъ“. О царькахъ или филархахъ не помнится, чтобы кто либо говорилъ, а считаютъ ихъ многіе просто главами родовъ — старшинами. Авторъ не соглашается съ этимъ и разрѣшенію этого вопроса посвящаетъ слѣдующія главы своего сочиненія.

Но тутъ онъ и уклоняется далеко въ сторону, именно туда, куда онъ считаетъ не только возможнымъ, но и единственно полезнымъ уклониться въ исторіи учрежденій, т. е. въ сферу исторіи сословій. Здѣсь онъ опять спеціальную черту X-го только вѣка разсматриваетъ какъ особенность всей княжеской эпохи и противополагаетъ ее порядкамъ Московскаго Государства. Утверждаетъ, что въ этомъ послѣднемъ, сословія (служилое и тяглое) были точно разграничены, что присутствіе гостя въ Боярской Думѣ показалось бы тогда „возмутительнымъ извращеніемъ политическихъ понятій“ (въ доказательство указываетъ на оппозицію боярь Оедору Андропову, назначенному въ Думу изъ кожевниковъ, но умалчиваетъ о Козмѣ Мининѣ; указываетъ на законъ 1657 года о бытіи дьячему чину выше гостинаго, но умалчиваетъ объ обратномъ рѣшеніи вопроса въ 1649 г., когда именно было приказано перепечатать листы Уложенія, чтобы помѣстить гостей выше дьяковъ).

Но пусть такъ; въ чемъ же дѣло?

Ходъ дальнѣйшей мысли таковъ. „*Мѣщанство* большихъ городовъ въ Кіевской Руси X в. политически и экономически съ одной стороны рѣзче отдѣлялось отъ сельскаго населенія, съ другой, стояло ближе къ служилому военному и правительственному классу сравнительно съ посадскими людьми Московскаго Государства“ (61), т. е. здѣсь можно различать тоже два класса, но не служилыхъ и тяглыхъ, а городскихъ и сельскихъ обывателей, включая въ первый и служилое населеніе и *мѣщанъ*. Доказательства этого находятся будто бы въ Ярославовой Правдѣ, именно въ томъ, что этотъ списокъ Правды не упоминаетъ въ своей 1-й ст. о сельскихъ жителяхъ, хотя стремится перечислить всѣ классы,—въ томъ числѣ упоминаетъ гридина и купчину [1]). Отсюда: Русская Правда изла-

[1]) Между тѣмъ изъ лѣтописи видно, что смерды тогда были, и именно въ качествѣ государственныхъ крестьянъ.

гаетъ законъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ городѣ и для города и потому на его складѣ отразилась существовавшая нѣкогда политическая обособленность городского общества отъ сельскаго. (64) Доказательства такой же обособленности города отъ села онъ думаетъ найти и въ статьяхъ Русской Правды о наслѣдствѣ, въ которыхъ онъ отличаетъ постановленія о наслѣдованіи *имущества городского* отъ наслѣдованія *имущества сельскаго* (стр. 67), причемъ подъ сельскимъ имуществомъ подразумѣваетъ и землевладѣльческое (боярское) [1]). По его мнѣнію двѣ статьи Р. Правды (о наслѣдованіи дочерей въ имуществахъ бояръ и о ненаслѣдованіи ихъ въ имуществѣ смердовъ) возникли потому, что явилась въ селахъ боярская собственность и потребовала отличенія ея отъ смердьей. Всѣ же прочія статьи о наслѣдствѣ болѣе древнія, относятся къ наслѣдованію въ прежнихъ имуществахъ.

Новое доказательство того, что городъ и село были отдѣльными другъ отъ друга политическими мірами, имѣвшими каждый свои обычаи, свое право, „законъ отецъ своихъ и преданья“ (70), онъ находитъ въ статьяхъ Рус. Пр. *о Сводѣ*, именно въ томъ, что Правда имѣетъ въ виду случай, когда сводъ выходитъ изъ города и идетъ по землямъ (селамъ), но не говоритъ о случаѣ обратномъ. Трудно догадаться, что отсюда слѣдуетъ. По мнѣнію автора слѣдуетъ, „особенная внимательность Правды къ быту городского населенія“; это еще возможно; но отсюда же, по его мнѣнію слѣдуетъ, что будто села „не переставали жить своею особою жизнію юридической *и даже политической*“. Вотъ это уже ни откуда не слѣдуетъ.

Доказавъ такимъ обр. раздѣльность городовъ отъ селъ, авторъ доказываетъ далѣе тождество или по крайней мѣрѣ *близость другъ къ другу всѣхъ городскихъ классовъ*, т. е. *торговаго и служилаго населенія*. Это послѣднее аргументируется: а) разсказомъ Константина Багрянороднаго, б) договорами русскихъ съ греками и в) языкомъ лѣтописей и актовъ. — Изъ разсказа Константина онъ справедливо заключаетъ, что князь и дружина занимались торговлею съ Византіею (кто же въ этомъ сомнѣвался?). Такова близость правящаго князя и его дружины — къ горожанамъ — торговцамъ. Въ свою очередь торговцы весьма близки къ служилымъ людямъ (73), что въ свою очередь доказывается безразличіемъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), которое допускаютъ договоры русскихъ съ греками въ терминахъ: „Русь“ и „гость“, хотя сознается, что въ другихъ случаяхъ (въ большемъ числѣ ихъ) договоры „вездѣ отличаютъ гостей отъословъ“, говорятъ, что Русь приходитъ или съ куплею или въ солбу“. Авторъ разъясняетъ эту „путаницу“ слѣдующимъ образомъ: „имя Русь, которое *начинало усвоятъ* себѣ служилый классъ, еще не утратило прежняго своего значенія, покрывавшаго все свободное населеніе приднѣпровскихъ городовъ“ (74). Впрочемъ близость гостей къ служилому классу доказывается и болѣе

---

[1]) Онъ находитъ даже противорѣчіе между однимъ рядомъ статей о наслѣдствѣ (105—107 и 110—117) и другимъ (103—104 кар сп.). Противорѣчіе усматривается въ томъ, что въ первомъ ряду статей будто бы предоставляются права о наслѣдованіи дѣтямъ, въ томъ числѣ и дочерямъ, безъ ограниченія какими либо классами общества. По второму ряду статей какъ извѣстно, дочери наслѣдуютъ лишь въ имуществѣ бояръ, но не смердовъ!

основательными соображеніями: гости носили оффиціальный характеръ, шли въ Византію съ княжескими печатями, получали тамъ содержаніе, отправляли вмѣстѣ съ послами посольства.

Языкъ лѣтописи не отличаетъ въ общемъ имени „мужей“ пословъ и купцовъ: „и посла Игорь мужѣ своя къ Роману“. Особенную же поддержку своей мысли авторъ находитъ въ Новгородскихъ памятникахъ (въ „Новгородскомъ строѣ, какъ муха въ янтарѣ, застыла и хранилась до поздняго времени старина, общая всѣмъ большимъ древнѣйшимъ городамъ“). Въ Уставѣ Всеволода сотскіе (по мнѣнію автора неслужилые, и м. б. выборные), названы „мужами князя“, въ 1015 г. Ярославъ назвалъ избитыхъ имъ Новгород. гражданъ „своею любимою дружиной“. Дружина обхватывала собою не только служилое населеніе князя, но все городское населеніе [1]). Читатель могъ забыть уже о Думѣ; свернувъ съ дороги, мы ушли далеко въ сторону и притомъ кружились по разнымъ направленіямъ. Мы коснулись и процесса (свода) и уголовнаго права (головничество) и правъ наслѣдства; занимались немножко исторіею торговли. Вездѣ по дорогѣ авторъ дѣлаетъ самостоятельные выводы согласно или вопреки существующимъ изслѣдованіямъ объ этихъ вопросахъ, какъ будто бы такихъ спеціальныхъ изслѣдованій вовсе не существовало; и нельзя рѣшить, пренебреженіе ли это или незнакомство.

Во всемъ, что до сихъ поръ указано въ первомъ отрывкѣ изслѣдованія г. Ключевскаго, есть одна весьма справедливая мысль, именно мысль о правительственномъ значеніи города вообще и старшихъ городовъ въ особенности (городъ есть правительствующая община). Но не смотря на справедливость этой мысли многія догадки въ аргументаціи ея у г. Ключевскаго останутся навсегда весьма слабыми гипотезами.

Сверхъ того, на что онѣ нужны? Зачѣмъ потребовалась г. Ключевскому мысль о правовомъ различіи городскихъ жителей отъ сельскихъ? Можетъ быть онъ объяснитъ это намъ подробнѣе и отчетливѣе въ слѣдующихъ частяхъ изслѣдованія; теперь же читатель видитъ, что главная мысль автора состоитъ въ томъ, что Дума въ X в. (а не княжеская Дума вообще) служила представителемъ интересовъ и воли не только служилаго, но и городскаго населенія („мѣщанства“), между тѣмъ какъ Дума въ Московскомъ Государствѣ выражала интересы лишь одного высшаго служилаго класса населенія.

Однако подтверждается ли эта мысль фактомъ участія въ Думѣ „старцевъ“? Для дѣла гораздо существеннѣе заняться вопросомъ, кто такіе эти „старцы“? Для этой цѣли анализируемъ одно мѣсто лѣтописи. Въ разсказѣ о мести Ольги лѣтописецъ знакомитъ насъ съ складомъ Древлянскаго общества, въ которомъ различаются просто *люди* — масса свободнаго населенія и высшій классъ; члены этого послѣдняго называются „нарочитыми мужами“, „лучшими мужами, которые держатъ Древлянскую землю“ (т. е. владѣютъ и управляютъ ею вмѣстѣ съ княземъ ихъ Ма-

[1]) Затѣмъ г. Ключевскій совсѣмъ уклоняется въ исторію первоначальнаго образованія русскаго общества, въ частности въ исторію возникновенія городскаго быта. Здѣсь можно найти нѣсколько очень здравыхъ догадокъ; намъ пріятно было бы остановиться на нихъ, если бы все это имѣло какое либо отношеніе къ боярской Думѣ.

ломъ). Но они же въ томъ же разсказѣ называются „старѣйшинами града“: „Ольга старѣйшины града изыма, и прочіе люди—овыхъ изби-а другіе работѣ предасть“ (обратила въ рабство). Тождество „старѣйшинъ града“ и „лучшихъ людей, держащихъ землю“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Искоростенѣ плѣнено было все населеніе, преимущественно же боярское, лучшее, ибо здѣсь страна защищала свой главный городъ, въ которомъ и не въ военное время сосредоточивались лучшія силы общества.—Нѣтъ надобности указывать на тождество „старцевъ градскихъ“ съ „старѣйшинами града“. Надѣемся, что всякій читатель уволитъ насъ отъ доказательства столь очевидной мысли. Если такъ, то старцы градскіе не представители „мѣщанства“ (намъ тяжело повторять такой анахронизмъ въ языкѣ), а лучшіе люди земли, т. е. бояре.

Считаемъ необходимымъ подкрѣпить эту мысль еще слѣдующими фактами. Древнѣйшій лѣтописецъ по одному случаю приводитъ изъ Библіи изображеніе идеальной семейной жизни и переводитъ это мѣсто на свой языкъ такъ: взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея (хорошей жены) внегда аще сядетъ на сонмищи *съ старци и съ жители земли*“. Это же самое мѣсто въ латинскомъ переводѣ Библіи читается: „Nobilis in portis vir ejus, quando sederit *cum senatoribus* terrae“; а въ древне-чешскихъ: Slechtic jest v brame jeji muz, kdyz sedi *s lmety zemskymi*“. Итакъ нашъ лѣтописецъ словомъ „старцы“ выразилъ то понятіе, которое на латинскомъ языкѣ выражается словомъ „сенаторъ“, а на древне-чешскомъ *кметъ*. Терминъ—сенаторъ всякому извѣстенъ; но многимъ также извѣстно, что кметъ на древне-чешскомъ языкѣ означалъ самаго высшаго сановника и вмѣстѣ высшій классъ общества (такъ на Сеймѣ Любуши присутствуютъ кметъ, лехи и владыки).

Еще одно соображеніе: въ лѣтописныхъ разсказахъ о совѣщаніяхъ Владиміра Св. иногда въ числѣ совѣтниковъ князя вовсе не упоминаются бояре, а лишь одни „старцы“, напр. вопросъ о возстановленіи виръ, отмѣненныхъ было Владиміромъ, рѣшенъ такъ: „рѣша епископи и старци: рать многа; оже вира—то на оружіи и на коняхъ буди“ (т. е. вира нужна на пріобрѣтеніе оружія и коней). Трудно построить предположеніе, что здѣсь намѣренно отстранены отъ совѣщанія бояре; предположеніе наиболѣе вѣроятное, и, скажемъ, несомнѣнное то, что здѣсь слово „старци“ означаетъ всю совокупность членовъ Думы, кромѣ епископовъ, т. е. подъ нимъ подразумѣваются и старѣйшины собственно и бояре. Далѣе иногда въ разсказѣ о совѣтѣ Св. Владиміра „старци“ предшествуютъ боярамъ; напр. вопросъ о принесеніи человѣческой жертвы въ благодарность богамъ за счастливый походъ на Ятвяговъ, шелъ такъ: „рѣша старци и боляре: мечемъ жребій...“

Думаемъ, что не долженъ подлежать сомнѣнію слѣдующій выводъ изъ этихъ фактовъ: „Старцами“ или старѣйшинами“ называются высшія лица въ государствѣ, такіе же бояре, а не представители „мѣщанства“ [1]).

---

[1]) Замѣтимъ, что г. Загоскинъ, хотя мимоходомъ и безъ всякихъ доказательствъ называетъ старцевъ градскихъ—«лучшими земскими людьми» (стр. 9).

Однако въ большинствѣ случаевъ старцы отличаются отъ бояръ, противополагаются имъ, стоятъ рядомъ съ ними. Изъ этого слѣдуетъ, что если „старци“ и равны боярамъ, по положенію въ обществѣ и государствѣ, то составляютъ тѣмъ не менѣе отдѣльную спеціальную часть высшаго класса. Это такъ и есть. „Лучшіе люди, держащіе землю“ суть *земскіе бояре*, въ противоположность служилымъ боярамъ княжескимъ. О происхожденіи ихъ и ихъ роли въ X в. можно дѣлать разныя предположенія (какъ и дѣлали уже многіе); они могли быть начальниками племенъ и родовъ, медіатизированными туземными князьями, выборными правителями (въ родѣ позднѣйшихъ Новгородскихъ магистратовъ), богатыми землевладѣльцами и т. д. Во всякомъ случаѣ ихъ высшее положеніе въ обществѣ опиралось на ихъ отношенія къ населенію, а не къ князю; почему они и называются *земскими* боярами. Они не были *служилыми* людьми, но не были и „мѣщанами“.

Почему изчезаютъ они послѣ X в.? [1]) Не знаемъ, какъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ г. Ключевскій. Но мы не обинуясь дадимъ свой отвѣтъ: вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, служилые бояре слились съ земскими; служилые пріобрѣли осѣдлость, землю, а съ нею и значеніе въ землѣ, земскіе поступили на службу. Въ Новгородѣ и Псковѣ, напротивъ, остались одни земскіе бояре, до конца существованія этихъ государствъ; а служилымъ боярамъ княжескимъ вовсе было запрещено пріобрѣтать землю на территоріи Новгородской или Псковской.

Надѣемся, что эти простыя соображенія совершенно упраздняютъ всѣ замысловатые поиски г. Ключевскаго въ области древнѣйшихъ отношеній города и села.

Не будемъ болѣе останавливаться на составѣ думы княжеской, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія о ней не даютъ никакихъ поводовъ къ дальнѣйшимъ подробностямъ въ этомъ отношеніи и такъ какъ ниже мы надѣемся представить образецъ думы древняго періода въ Новгородскомъ сенатѣ, гдѣ, „какъ муха въ янтарѣ“ (выражаясь слогомъ г. Ключевскаго), уцѣлѣли палеонтологическія формы древнѣйшаго государства.

Что касается *правъ Думы* въ княжескій періодъ, то мы встрѣчаемся и здѣсь опять съ безысходными противорѣчіями въ прежнихъ и новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Да при томъ этотъ вопросъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о составѣ Думы; если подъ Думою разумѣются факты совѣщаній князя съ разными лицами, то о какихъ и чьихъ правахъ можетъ быть тутъ рѣчь! Если Думы не было, то смѣшно говорить о ея правахъ. Однако всѣ говорятъ о нихъ, и даже считаютъ эти права болѣе высокими и опредѣленными, чѣмъ права Московской Думы.

Осторожнѣе всѣхъ выражается В. И. Сергѣевичъ: „Согласно характеру княжескихъ совѣтниковъ имъ могъ принадлежать только совѣщательный голосъ“ (стр. 361). С. А. Петровскій говоритъ рѣшительнѣе: „Совѣщался князь о тѣхъ вопросахъ, какіе находилъ нужными обсу-

---

[1]) Изчезаютъ ли они только изъ Думы, или изъ исторіи вообще?

дить съ дружиною. Какихъ-нибудь *постановленій* для этого не существовало, да не могло существовать въ то безформенное время, когда о какихъ нибудь *регламентаціяхъ* и понятія не имѣли, до нихъ еще было далеко даже и послѣдующему времени. Мнѣнія княжихъ мужей *не были обязательны* для князя, князья слѣдуютъ имъ или не слѣдуютъ „*по своей доброй волѣ*“ (стр. 11). Любопытно сопоставить съ этимъ мѣсто, помѣщенное на слѣд. стр. того же автора (стр. 12): „Отсюда *необходимость* совѣщаній князя съ своими боярами и при томъ не съ однимъ или двумя любимцами, а со *всѣми* (см. вышеприв. мѣсто состава Думы)... Княжеская Дума—результатъ положенія русскаго князя въ данную эпоху, результатъ значенія и силы бояръ при безсиліи верховной власти“. И такъ гдѣ нѣтъ „регламента“, „постановленія“, тамъ нѣтъ вовсе права, а съ другой стороны оказывается, что была *необходимость* совѣщаться съ боярами.

Нѣсколько болѣе (хотя не вполнѣ) опредѣленный отвѣтъ даетъ о правахъ Думы П. П. Загоскинъ: „Дружинники, какъ это вполнѣ ясно усматривается изъ лѣтописей, смотрятъ на совѣщанія, на думу съ ними князей, какъ на свое *неотъемлемое право*“ (стр. 7).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ выражается, хотя не точно, но довольно рѣшительно, именно такъ: „Князь удѣльно-вѣчевой Руси считалъ себя *обязаннымъ* въ силу самаго порядка вещей обо всемъ думать со своими дружинниками; фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него къ *юридической обязанности*“ (стр. 21).

Г. Ключевскій не останавливался еще на вопросѣ о правахъ княжеской Думы, но мимоходомъ высказалъ упомянутое положеніе; но можетъ ли ученый, опытный въ конституціонномъ правѣ, сказать, что князь могъ совѣщаться съ кѣмъ ему угодно, но самое совѣщаніе для него обязательно? Этимъ старается онъ примирить мысль о шаткости состава Думы съ мыслію о твердости ея правъ. Замѣтимъ, что никто, знакомый съ историческими и дѣйствительными формами государственнаго устройства, не скажетъ этого: нельзя сдѣлать *обязательными* совѣщанія съ *неизвѣстными* лицами. Сверхъ того, такое требованіе было бы безцѣльно (а безцѣльныхъ требованій при господствѣ обычнаго права не бываетъ): какая польза государству, если князь посовѣтуется съ первымъ встрѣчнымъ на дорогѣ и при томъ не будучи обязанъ слѣдовать его совѣту?

Поставимъ вопросъ такъ:

Совѣщаніе князя съ Думою было ли обязанностію для него и правомъ бояръ? Если такъ, то обязанъ ли былъ онъ слѣдовать мнѣнію Думы? Предупреждаемъ, что отвѣтъ на эти вопросы заимствуется не изъ „уставовъ“ и „регламентовъ“, которыхъ въ періодѣ господства обычнаго права не бываетъ; не было ихъ и въ Московскомъ государствѣ до конца его существованія. Не было „устава“ и для римскаго сената. Отвѣты на предложенные вопросы заимствуются изъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ обычномъ правѣ, бытіе и твердость котораго не должны бы подлежать сомнѣнію, по крайней мѣрѣ для юристовъ.

Немногочисленные факты, относящіеся сюда, были въ виду у всѣхъ названныхъ выше историковъ; да они и не могли быть не замѣчены по своей крайней характерности. Въ 1170 г. двое бояръ, Петръ и

Несторъ Борисловичи, сообщили князю Давиду ложное извѣстіе, будто бы кіевскій князь Мстиславъ хочетъ схватить и лишить свободы Давида и брата его Рюрика. Давидъ и Рюрикъ повѣрили. Откуда такое легковѣріе? Почему можно было предположить, что Борисловичи знаютъ мысль князя? Это тотчасъ же и объяснилось. Когда ложный навѣтъ двухъ бояръ открылся, то оклеветанный „Мстиславъ ужасеся мыслію и яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его... цѣ да будутъ злии человѣцы, завидяче твоей любви юже къ братьѣ имѣеше, вложили будутъ злое слово. А ты всякъ правъ передъ Богомъ и прѣдъ человѣкы; *тобѣ безъ насъ того нельзѣ было замыслити, ни створити*, а мы вси вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣй братьѣ".—Итакъ князю нельзя было ничего важнаго не только сотворить, но и замыслить. На счетъ *исполненія* важныхъ замысловъ рѣчь будетъ сейчасъ. Теперь отмѣтимъ, что князь не могъ и *замыслить* безъ совѣщанія съ боярами.

Послѣ этого принципіальнаго выраженія становится понятно, какъ нужно смотрѣть на *безчисленный рядъ* совѣщаній князей всѣхъ земель съ своими боярами. Припомнимъ, что было сказано о принципѣ распознаванія обычнаго права (чрезъ повтореніе), и мы будемъ въ состояніи судить правъ ли С. А. Петровскій, сказавши: „какъ *часто* намъ лѣтописи ни упоминали бы, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія".

Другой фактъ, который мы приведемъ сейчасъ, отвѣчаетъ и на первый и на второй изъ поставленныхъ вопросовъ: обязанъ ли былъ князь подчиняться рѣшенію Думы? Въ 1169 г. кн. Владиміръ Мстиславичъ задумалъ нарушить клятву къ кіевскому князю Мстиславу „и посла къ Рагуйлова Добрыничю и къ Михалева (своимъ боярамъ), являя имъ думу свою. И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали". Состояла ли изъ этихъ двухъ бояръ вся „дружина" кн. Владиміра, или двое наиболѣе довѣренныхъ передали мысль князя прочимъ—неизвѣстно. Скорѣе послѣднее, ибо въ противномъ случаѣ бояре не могли бы сказать князю: „мы того не вѣдали, потому что онъ именно яви имъ думу свою". Во всякомъ случаѣ бояре разошлись въ мнѣніяхъ съ княземъ. Повидимому мнѣніе бояръ не обязательно для князя. „Володимеръ же рече, воззрѣвъ на дѣцскы: а се будутъ мои бояре и поѣха къ Берендичемъ." Т. е. князь, обращаясь къ младшимъ членамъ двора („дѣтскимъ"), сказалъ, что онъ ихъ сдѣлаетъ боярами, въ замѣнъ теперешнихъ несговорчивыхъ. И этотъ фактъ замѣчателенъ: князь угрожаетъ замѣнить бояръ другими,—но не говоритъ, что онъ можетъ обойтись безъ бояръ. Но онъ не прибѣгъ къ этой мѣрѣ, а рѣшился осуществить намѣреніе неодобренное боярами, поѣхалъ за военною помощью къ усмиреннымъ варварамъ—Берендичамъ (которые составляли военную границу у кіевской земли). По Берендичи видя, что онъ пріѣхалъ одинъ, и безъ мужей своихъ, начали въ него стрѣлять, говоря: „Ты ѣдешь одинъ и безъ мужей своихъ: значитъ ты насъ обманулъ".

Какое дѣло Берендѣямъ, что князь пріѣхалъ безъ бояръ? Поселенные варвары не разъ распоряжались судьбами кіевской земли. Неужели для военнаго успѣха такъ важно было присутствіе въ походѣ нѣ-

скольких лицъ съ ихъ малочисленными свитами? Нѣтъ, отвѣтъ Берендѣевъ имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Князь, окруженный своими боярами, есть законный князь; присутствіе бояръ ручается за симпатіи населенія къ его предпріятію. Князь безъ бояръ есть авантюристъ. Это понятно было даже варварамъ. Итакъ князь, не покорившійся мнѣнію Думы, не только не могъ создать новыхъ бояръ изъ дѣтскихъ, но не встрѣтилъ сочувствія и повиновенія ни въ комъ.

Это обстоятельство даетъ поводъ и отчасти возможность оцѣнить и распутать смѣшеніе понятій: *нужды*, *необходимости*, *обязательности* совѣщаній князя съ боярами. Говорятъ, что „князь долженъ былъ прибѣгать къ этому средству, потому что сила князя въ дружинѣ; а этого сила независима отъ князя: оскорбленная въ чемъ-нибудь она оставитъ князя, уйдетъ; *поневолѣ* князь для успѣха своихъ предпріятій долженъ напередъ заручиться согласіемъ на него этой силы". (С. А. Петровскій, стр. 12).— Дѣйствительно между понятіемъ нужды и понятіемъ юридической обязанности большая разница. Я могу нуждаться въ совѣтѣ друга, потому что безъ помощи его не могу осуществить предпріятія; но я „не обязанъ" по закону съ нимъ совѣщаться. Такъ въ частныхъ отношеніяхъ. Но такъ ли бываетъ въ отношеніяхъ государственныхъ, особенно когда государство не имѣетъ письменныхъ регламентовъ? Что такое „нужда" для правителя государства? Политическое намѣреніе (пріобрѣтеніе престола, открытіе военнаго похода и т. д.). „Помощь друга", необходимая для осуществленія его, есть согласіе и повиновеніе населенія. Если къ этому населенію, или его части необходимо обращаться подъ опасеніемъ полнаго неуспѣха, то значитъ князь *обязанъ* къ этому. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ этой *нужды*, нѣтъ *и обязательности* такихъ соображеній. [1]) Изъ „нужды" интересовъ зарождается все государство и тотъ и другой видъ его управленія. Изъ повторенія явленія, вызванныхъ „нуждою", является обычное право.

Конечно, есть легкій способъ уклониться отъ натиска этихъ выводовъ. Можно повторить безъ дальнѣйшихъ размышленій, что государства то и не было въ то время, и „когда начало личное, субъективное господствуетъ надъ общимъ, частное надъ государственнымъ, когда все истекаетъ изъ личности..." и т. д. (Петровскій, стр. 13).

Но гдѣ же наконецъ государство и его начало? Не пора ли

---

[1]) Князь, лишенный содѣйствія бояръ, повидимому, еще не лишенъ всѣхъ средствъ: еще остается прочее гораздо большее населеніе. Но и это населеніе не повинуется князю, именно потому, что съ нимъ нѣтъ бояръ. Князь долженъ не только выслушать *мнѣнія* бояръ, но долженъ былъ согласить и *волю* ихъ.

Отсюда становится любопытнымъ отношеніе правъ Думы къ правамъ вѣча. И къ вѣчу обращаются князья когда *хотятъ*, или когда *принуждены*, и вѣче возстаетъ на князя когда *можетъ*. Но за вѣчемъ большинство изслѣдователей признало политическую силу, равную князю. Если права Думы равны правамъ вѣча, то надо быть и слѣдовательными. А они дѣйствительно равны; достаточенъ одинъ примѣръ изъ сферы правопризванія князей и заключенія «ряда» съ ними: въ 1169 г. кн. Мстиславъ Изяславичъ «взялъ рядъ съ братьею, дружиною и кіянами». О законодательной власти вѣча мы знаемъ мало, а о законодательной дѣятельности Думы весьма не мало и изъ лѣтописей и изъ Русской Правды.

оставить въ покоѣ идеи столь неплодотворныя, не пора-ли признать въ этихъ формахъ „частныхъ“, „личныхъ“, „субъективныхъ“ зародышъ и корень государства? Лицо не есть отрицаніе государства, а его творческая сила.

Признавая только личную силу и волю, называя первый періодъ „безформеннымъ“, изслѣдователи тѣмъ не менѣе говорятъ не о князьяхъ (Владимірѣ, Изяславѣ и т. п.), а о княжеской власти, о способѣ ея преемства и правахъ, говорятъ, не о фактахъ сборищъ народа, а о вѣчѣ, какъ цѣльномъ учрежденіи и т. д. Даже болѣе: говоря, что и совѣты (князя съ боярами) остаются безъ всякаго юридическаго значенія, только одними частными личными совѣтами, на ряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ, „чисто фактическими“, они прибавляютъ (какъ будто продолжая ту же мысль): „Совѣщанія князей, Дума въ этомъ періодѣ остаются только *зерномъ*, изъ котораго впослѣдствіи *можетъ развиться то или другое государственное высшее учрежденіе*, и, смотря по тому, въ какія отношенія поставитъ впослѣдствіи исторія князя и старшихъ дружинниковъ, какой элементъ усилится, возьметъ перевѣсъ: князь, или старшая дружина—боярство, тотъ и оттѣнокъ приметъ самое государственное устройство—чисто монархическій или аристократическій“ (С. А. Петровскій, стр. 14). Послѣдняя мысль весьма справедлива; только между зерномъ и растеніемъ гораздо больше соотношенія, чѣмъ между произволомъ, случаемъ и правомъ.

Посмотримъ, какія учрежденія развились изъ княжеской Думы *въ тотъ же княжескій періодъ*, когда формы государственнаго устройства спеціализировались по разнымъ землямъ, когда въ Новгородѣ и Псковѣ взяла перевѣсъ вѣчевая власть, въ Галицкой и Волынской земляхъ боярская, въ Суздальской—княжеская.

Достойно замѣчанія, что всѣ упомянутые историки кромѣ В. И. Сергѣевича, писали свои книги и статьи послѣ появленія изслѣдованій г. Никитскаго о Новгородѣ и Псковѣ („Очерки жизни В. Новгорода. I. Правительственный Совѣтъ“, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. № 10 и „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“. Спб. 1873 г.). Въ одномъ изъ нихъ спеціально разсматривается одна изъ формъ княжеской Думы, именно самая интересная, т. е. та, которая установилась *въ вѣчевыхъ* земляхъ древней Руси (т. е. по общему признанію демократическихъ). Между тѣмъ ни одинъ изъ изслѣдователей не упомянулъ ни объ этой формѣ Думы, ни объ изслѣдованіяхъ г. Никитскаго, хотя одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, хочетъ наблюдать въ Новгородскомъ устройствѣ слѣды древнѣйшаго времени, „какъ муху въ янтарѣ“. Постоянно говоря о Думѣ, какъ результатѣ отношеній *бояръ къ князю*, упустили изъ виду отношенія ея къ населенію и вѣчу. Нуждается ли въ ней само государство, а не одни князья съ ихъ случайными интересами? Была ли она только „дружиною“, свитою князя, необходимымъ додаткомъ къ его власти, или составляетъ самостоятельную силу *на ряду съ княземъ и вѣчемъ*?—Именно примѣръ Новгорода можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы, а изслѣдованіе г. Никитскаго цѣнныя указанія для него.

Прежде всего „Совѣтъ“ (Rath) *существуетъ* въ Новгородѣ, не

смотря на полное самодержавіе вѣча. Въ актахъ иностранныхъ сношеній, онъ именуется *Herren-Rath*—совѣтъ господъ. Въ этихъ актахъ онъ выступаетъ на сцену наиболѣе по свойству дѣла, т. е. условіямъ дипломатическихъ сношеній: съ вѣчемъ постоянно сноситься по всякому вопросу неудобно.—Состоитъ этотъ сенатъ изъ владыки, княжескаго намѣстника, посадника тысяцкаго и пяти конецкихъ старостъ (по русскимъ источникамъ: и изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ—этихъ консуляровъ и преторіевъ Новгорода). Сверхъ того несомнѣнно, что въ немъ участвуютъ и просто бояре, потому что по иностраннымъ актамъ, совѣтъ состоитъ изъ 300 членовъ и даже называется совѣтомъ „300 золотыхъ поясовъ“ („drey hundert guldenen gondelen“ по внѣшнему сенаторскому знаку отличія). Не слѣдуетъ думать, чтобы составъ совѣта буквально выполнялъ эту цифру (подобно 300 римскихъ сенаторовъ), это такая же фикція, какъ въ названіяхъ частей государства тысячами и сотнями. Она указываетъ лишь на множественность членовъ совѣта.

Совѣтъ, засѣдавшій прежде на Городищѣ (княжескомъ замкѣ), когда власть кн зя была еще значительна, перенесенъ въ самый городъ, именно во дворъ архіепископа, когда народное собраніе начало брать перевѣсъ.

Совѣтъ имѣетъ несомнѣнно сильное значеніе особенно въ иностранныхъ сношеніяхъ. Да какъ ему не имѣть его, если въ немъ соединены всѣ магистраты В. Новгорода и всѣ „лучшіе люди“ Новгородской земли?

Вотъ всѣ малочисленные, но цѣнные выводы изслѣдованій г. Никитскаго. Съ этимъ слѣдуетъ только сопоставить русскія извѣстія о „маломъ вѣчѣ“, собиравшемся на „сѣняхъ“ князя и извѣстія Мѣховиты о Новгородской „преторіи“ изъ 100 сенаторовъ съ судебною властію.

Во Псковѣ высшая правительственная и судебная коллегія состоявшая изъ князя, посадниковъ и сотскихъ, называлась *господою*.

Полоцкъ, который долженъ быть также отнесенъ къ типу вѣчевыхъ земель, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, получилъ отъ князей Вячеслава и Давыда (сыновей Всеслава) вольность, которою этотъ городъ долженъ воспользоваться по смерти ихъ; по этому будто бы городъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество полоцкое республикою, которая управлялась вѣчемъ и *зо старѣйшинами или боярами* (Narbutt. III. 266. Турчиновичъ: Об. ист. Бѣлоруссіи, прим. 94).

Изъ этихъ фактовъ мы должны вывести, что и при господствѣ вѣчевыхъ формъ и приложеніи княжеской власти Дума Боярская, остается и притомъ съ правами весьма значительными. Слѣдов. она есть органическая часть *государственнаго устройства* древней Руси и не есть лишь додатокъ къ княжеской власти, или органъ управленія въ ихъ рукахъ.

Другой типъ древне-русскаго государственнаго устройства, спеціализировавшійся еще въ княжескомъ періодѣ, представляетъ Галицкая, а потомъ Галицко-Волынская земля; какъ въ сѣверозападныхъ земляхъ (Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ) взяла перевѣсъ вѣчевая власть, такъ здѣсь власть боярской Думы. Типическія стороны господства этой власти

проявляются уже тогда (въ XII, а особенно въ XIII вв.) въ слѣдующихъ чертахъ. Мы знаемъ уже, что согласно древнему общерусскому государственному устройству, Дума дѣлитъ съ вѣчемъ право призванія и смѣщенія князей. Въ упомянутой землѣ, это право спеціализируется въ рукахъ Думы: въ 1202 г. „Галицкіе бояре послали по князей Игоревичей (желая устранить династію Романа В.) и посадили ихъ: въ Галичѣ Володиміра, а Романа въ Звенигородѣ? Но чрезъ 6 лѣтъ призванные князья вступили въ открытую борьбу съ боярами (конечно потому, что боярская Дума лишила ихъ всякой власти, князья „сдѣлали заговоръ“ („совѣтъ сотворища“) на бояръ Галицкихъ, чтобы избить ихъ, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, дѣйствительно избили. Тогда былъ убитъ Юрій Витоновичъ, Илья Щепановичъ, и иные великіе бояре; и было ихъ убито тогда 500 человѣкъ, а другіе разбѣжались. Но нѣкоторые остались вѣрными сторонѣ Игоревичей. Бѣжавшіе нашли помощь въ Уграхъ—своихъ постоянныхъ союзникахъ и выставили противъ Игоревичей свою старую княжескую фамилію, которую они же изгнали. Съ угорскою помощію и съ Даніиломъ Романовичемъ, они явились въ отечество. Игоревичи взяты въ плѣнъ; Даніилъ возведенъ на княжескій столъ. Такимъ образомъ бояре Володимерьстіи и Галичные и воеводы Угорьскыя посадиша князя Даніила на столѣ отца своего, вел. кн. Романа въ церкви Св. Богородицы. Объ участіи народа (вѣча) въ этомъ посаженьи и рѣчи нѣтъ. Плѣненные князья Игоревичи Романъ, Святославъ Ростиславъ казнены боярами „яко злодѣи“. — Недолго ужились бояре и съ Даніиломъ и изгнали его. Вообще право смѣщенія князей выражено въ слѣд. словахъ обращенныхъ къ князю: „Не можеши держати Галича, бояре не хотятъ тебе“.

Право распоряжаться княжескимъ столомъ въ рукахъ бояръ не ограничилось правомъ призванія и смѣщенія князей изъ рода Рюрика: они призываютъ и иноземныя династіи, и разъ заявлена была попытка сдѣлать княжескій столъ доступнымъ для бояръ: одинъ боярынъ (Володиславъ) „въѣхалъ въ Галичъ, вокняжился и сѣлъ на столѣ“. Но эта попытка пока неудалась; она осуществится въ той же западной половинѣ Руси позднѣе—въ эпоху польскаго владычества.

О вѣчѣ во всю Галицкую исторію этого времени упоминается только одинъ разъ въ 1231 году, когда Даніилъ хотѣлъ поднять эту силу въ противовѣсъ боярамъ: „Даніилъ созвалъ вѣче..., и сказалъ имъ (народу): хочете ли быть вѣрны мнѣ, чтобы я могъ идти на враговъ моихъ (бояръ)? Они же кликнули: вѣрны мы Богу и тебѣ. “Однако и эта сила оказалась недѣйствительною, и „Самодержецъ земли Русской“ Даніилъ долженъ былъ подчиниться вліянію бояръ во все свое княженіе.

До сихъ поръ рѣчь шла все о „боярахъ“. Нужно ли считать это тожественнымъ съ боярскою Думою? Откуда слѣдуетъ, что бояре дѣйствуютъ какъ члены правительственной коллегіи, а не просто, какъ члены партіи? Для рѣшенія этихъ вопросовъ просимъ обратить вниманіе на то, что боярамъ приписываются общія правительственныя дѣйствія (напр. общее рѣшеніе вопросовъ о призваніи и смѣщеніи князя).

Надо же предположить такое учрежденіе, гдѣ эти вопросы вырабатывались и рѣшенія постановлялись.

Нужно, однако, замѣтить, что эта форма далѣе другихъ отклонилась отъ древняго типа обще-русскаго государственнаго устройства. Она послужила переходомъ къ порядкамъ Литовско-Русскаго государства.

Итакъ въ одной группѣ русскихъ государствъ, именно въ государствахъ вѣчевыхъ, боярская Дума остается тѣмъ не менѣе *одною изъ важнѣйшихъ частей государственнаго устройства;* въ другой группѣ—государствахъ юго-западныхъ, она становится *главнымъ основаніемъ* государственнаго устройства (а не органомъ управленія).

Такъ какъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ генетической связи между княжескою Думою и Радою или Сенатомъ великаго княжества Литовскаго, съ одной стороны, и Московскою Думою—съ другой, то нашимъ историкамъ слѣдовало бы сопоставить эти учрежденія для полученія надлежащихъ выводовъ какъ объ этихъ учрежденіяхъ такъ и о томъ зернѣ, изъ котораго они развились (т. е. о Думѣ княжеской). Всѣ они суть различныя проявленія того общаго типа учрежденій, который во всѣхъ государствахъ классической и новой Европы носитъ названіе *сената* или *совѣта* (Bovchỳ, Rath).

Такія учрежденія, говоримъ, существуютъ повсюду несмотря на разницу въ основаніяхъ государственнаго устройства. На примѣрѣ русской исторіи мы видимъ, что Дума существуетъ не только при демократическихъ и аристократическихъ формахъ, но и чисто монархическихъ (Московская Боярская Дума).

М. Владимірскій-Будановъ.

(Профессоръ Имп. Университета Св. Владиміра).

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній», Т. VIII.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 26 Декабря 1880 года.

Въ типографіи В. Безобразова и К°.

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

2007059417